

Отзыв официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук
Васильевой Татьяны Андреевны
на тему "Косвенный иск в цивилистическом процессе:
сравнительно-правовое исследование"
по специальности 12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный процесс

Наверное, не будет большим преувеличением утверждение о том, что современная отечественная процессуальная доктрина находится перед лицом серьезных вызовов. Тот базовый фундамент, что был сформирован за последние полтора столетия, в общем и целом, конечно, позволяет разрешать большинство возникающих задач, однако все чаще появляются достаточно сложные вопросы, не имеющие однозначных решений. Причем «поставщиком» здесь нередко выступают, во-первых, институты, имеющиеся в англосаксонском правопорядке, а во-вторых, те или иные уже реализованные законодательные решения в области материального права. И если необходимость внедрения первых всегда может (и должна) выступать предметом критического анализа, то легальные конструкции, уже получившие закрепление в отечественном законодательстве, что называется, не могут ждать – правоприменители да и в целом участники оборота заинтересованы в скорейшей их адаптации к существующим судебным процедурам, к разумному разрешению конфликтов с иными правовыми институтами.

Уникальность конструкции косвенного иска проявляется в том, что, появившись у англосаксов, она долгое время вообще не становилась предметом исследования у отечественных процессуалистов; при этом в середине 90-х годов прошлого века, неожиданно получив «прописку» в российском гражданском законодательстве, совершенно не нашла отражение в процессуальных законах (заметим, несмотря на принятие в 2002 г. новых ГПК РФ и АПК РФ). Да, в последующем – в законодательном акте, регулирующем отправлении правосудия в арбитражных судах, – появилась робкая попытка создать некие восполняющие нормы (ст.225.8 АПК РФ), но, как это довольно часто бывает, регулирование

в одном отраслевом источнике (процессуальном) вступило в противоречие с уже имевшимся регулированием в другом (гражданско-правовом).

В итоге отечественная процессуальная доктрина вынуждена была восполнять образовавшиеся лакуны фактически в режиме аврала. Эта не самая нормальная ситуация усложнялась еще и тем, что правоприменительная практика, которая могла бы здесь выступить неким застрельщиком, напротив, начала «выдавать на-гора» взаимоисключающие подходы к решению ряда базовых вопросов (о статусе в судебном споре участника корпорации и самой корпорации, об объеме имеющихся у этих субъектов процессуальных прав и условиях их реализации, о законной силе и принудительном исполнении судебного решения по косвенному иску и др.).

Отметим, что к настоящему времени появилось весьма значительное количество исследований косвенных исков. Большинство из них касаются анализа действующих законоположений и практики их применения, что, с одной стороны, дает возможность более рельефно увидеть существующие проблемы, однако, с другой, не позволяет подняться на требуемый научный уровень. Проблематика же косвенных исков, безусловно, требует довольно абстрактного осмысления: здесь важно понять истоки самого правового явления; разобраться с механизмом защиты прав и интересов участников корпорации; соотнести полученное знание с уже выработанными в процессуальной науке институтами; сделать выводы о приемлемости (либо, напротив, о неприемлемости) тех или иных конструкций для органичного вpletения в «процессуальную ткань»; создать (при необходимости) новую процессуальную модель.

По этим соображениям считаем, что актуальность избранной диссертантом темы сомнений не вызывает. Скрупулезный анализ исследуемой процессуальной конструкции позволил Т.А. Васильевой прийти к весьма интересным выводам:

1. Так, исследуя историю появления института, автор отмечает, что «правовая конструкция косвенного иска ... имеет своим процессуальным предшественником приказ о субпоэне (writ of subpoena). С помощью данного приказа Канцлер не только признавал наличие косвенной заинтересованности, но и предоставлял защиту бенефициарному (косвенному) интересу...» (с.8 диссертации).

2. Крайне важным для понимания общей логики развития института выступает авторское суждение о том, что в Англии и США возникновение косвенного иска связано с процессуальной деятельностью, а для стран романо-германской правовой системы (России, Германии, Франции) «появление процессуальной конструкции косвенного иска и соответствующей процедуры стало следствием развития материального права и акционерного законодательства» (с.9 диссертации).

3. Обращаясь к сущностному анализу, диссертант впервые – применительно к отечественным попыткам в исследовании конструкции косвенного иска – взяла за основу волевое начало. В итоге именно «невозможность использования прямого механизма формирования воли ввиду его дефектности», по мнению Т.А. Васильевой, должна выступать одним из условий возникновения косвенной заинтересованности (с.80 диссертации).

Следует отметить, что автор довольно последовательна в продвижении своей идеи и потому для констатации невозможности использования прямого механизма формирования воли предлагает вменить участнику корпорации в обязанность «направить требование о предъявлении косвенного иска уполномоченным органам юридического лица, то есть предоставить возможность органам юридического лица сформировать волю на предъявление или непредъявление иска» (с.85 диссертации).

4. Размышляя о процессуальной динамике судебного дела, возбужденного по косвенному иску, диссертант обосновывает необходимость совершенно нового процессуального механизма, который именуется «переходом из процедуры косвенного иска в процедуру прямого иска и наоборот» (с.173 диссертации). Ничего подобного нет в действующем отечественном процессуальном законодательстве и, насколько нам известно, ранее не предлагалось российскими исследователями. Безусловно, внедрение такого механизма требует отдельного осмысления – важно не только провести разграничение с уже существующими в доктрине институтами замены конкретных процессуальных субъектов, но и тщательно разобраться с сущностным содержанием и теми основаниями, которые позволят суду произвести подобное преобразование.

В работе имеются и иные довольно интересные положения и выводы. Однако обоснованность некоторых суждений все же вызывает сомнения:

1. Главный, на наш взгляд, вопрос, связан с правовым значением упомянутого выше «дефекта воли». В концепции автора подобный дефект является, если можно так выразиться, системообразующим явлением, именно он вызывает саму конструкцию косвенного иска.

Безусловно, корпоративное управление изобилует самыми разными правовыми ситуациями, в числе которых вполне допустимы и определенные дефекты воли органа юридического лица. Но что понимается в работе под такими дефектами? Автор прямо упоминает два случая:

(а) «личная заинтересованность органа в принятии решения о непредъявлении искового заявления»;

(б) «иные обстоятельства, которые свидетельствуют об отсутствии объективности и беспристрастности в принятии данного решения» (с.178 диссертации).

Наверное, при некоем широком понимании искажений в формировании воли юридического лица оба указанные случая могут быть отнесены именно к порокам воли. Однако возникает вопрос: а почему «традиционные» пороки воли не учитываются? Скажем, решение органа о непредъявлении иска является абсолютно объективным и беспристрастным, принято при отсутствии личной заинтересованности, однако – под влиянием существенного заблуждения (например, на основе искаженной информации, отраженной в заключении аудиторской компании). Почему участник корпорации, обладающий достоверным знанием и понимающий, что имел место тот самый «дефект воли», тем не менее не может обратиться с косвенным иском? Или же действительно есть какая-то необходимость в том, чтобы заставить участника предпринять действия, направленные на опровержение искаженной информации, с тем, чтобы переубедить в итоге компетентный орган? Если логика автора состоит именно в этом, то что это будет за спор? И как все же быть участнику, если переубедить орган в вопросе предъявления иска не удалось? Смириться с обесцениванием своих акций (долей)?

И далее. Насколько вообще верно увязывать обязательное наличие «дефекта воли» с правом участника корпорации защищать свой косвенный интерес? Здесь мы бы указали на два момента – сугубо инструментальный и сущностный.

1.1. Инструментальный состоит в том, что на участника корпорации возлагается обязанность по доказыванию строго определенных фактов: диссертант прямо указывает, что «если уполномоченными органами юридического лица принято решение о непредъявлении искового заявления, участник должен представить доказательства дефектности воли, выраженной в указанном решении...»; «убедившись в отсутствии документов, прилагаемых к исковому заявлению, а также доказательств истечения срока принятия решения о предъявлении иска уполномоченными органами, доказательств дефектности принятого решения о непредъявлении иска, суд выносит определение о возвращении искового заявления на стадии возбуждения производства по делу. В случае, если отсутствие косвенной заинтересованности будет установлено на стадии судебного разбирательства, суд оставляет исковое заявление без рассмотрения» (с.177, 178 диссертации).

Итак, участник корпорации должен представить уже на стадии возбуждения судебного дела некие документы, подтверждающие «дефектность принятого решения о непредъявлении иска». Что же это должны быть за документы, из которых суд однозначно сделает вывод о «личной заинтересованности органа в принятии решения о непредъявлении искового заявления»? Конечно, могут быть совершенно самоочевидные ситуации – например, когда материально-правовое притязание обращено к самому органу (иск о взыскании убытков, причиненных корпорации). И здесь тогда тем самым документом, видимо, будет протокол или решение, подтверждающие статус органа. Но как быть с остальными случаями? Ведь крайне маловероятно, что орган юридического лица вступит с кем-то в переписку, в которой признает заинтересованность в принятии решения о непредъявлении иска.

Не меньше вопросов вызывает документальное подтверждение «иных обстоятельств, которые свидетельствуют об отсутствии объективности и беспристрастности в принятии данного решения». Если, к примеру, имеется

какой-то коррупционный интерес в принятии решения о непредъявлении иска, неужто конкретное физическое лицо будет как-то документировать свою противоправную деятельность? А если вдруг все же задокументирует, то как эти доказательства вдруг окажутся у участника корпорации? Или, быть может, противоправное деяние надо установить сначала в рамках уголовного судопроизводства? Но ведь отнюдь не любое противоправное действие (бездействие), совершаемое при управлении корпорацией, составляет объективную сторону состава преступления.

1.2. Теперь обратимся к сущностному моменту. Должен ли именно волевой критерий определять содержание конструкции косвенного иска?

Абстрагируемся от корпоративных споров, тем более что автор довольно убедительно показала – в исторической ретроспективе приказ о субпоэне (предвестнике косвенного иска) никакого отношения к защите субъективных прав корпорации не имел. На самом деле случаев, когда обладатель субъективного права по тем или иным причинам, связанным с волевым началом, не может предъявить иск, достаточно много. Возьмем самый простой – защита прав недееспособного лица. Означает ли это, что иск, предъявленный иным лицом (законным представителем) в интересах недееспособного, превращается в косвенный? Вряд ли. Или предположим, что по каким-то причинам в муниципальном образовании глава никак не желает выразить волю на использование вещно-правового способа защиты, и в итоге прокурор обращается с иском об истребовании муниципального имущества из чужого незаконного владения (ч. 1 ст. 52 АПК РФ). Неужели и здесь образуется косвенный иск? Тоже большие сомнения. Но ведь содержательно оба случая не просто схожи с косвенным иском по признаку «дефекта воли», но и более того, подпадают под дефиницию, предлагаемую самим диссертантом: «Косвенный иск – это требование к суду о защите субъективного гражданского права, предъявленное лицом, за которым на уровне судебного прецедента (в странах, следующих парадигме *actio-ius*) или на уровне законодательства (в странах, следующих парадигме *ius-actio*) признана возможность сформировать волю на предъявление и поддержание иска в интересах другого лица» (с.93 диссертации).

Как же разграничить тогда внешне схожие конструкции, которые можно описать через «дефект воли», от собственно косвенного иска? Отличие, полагаем, лежит на поверхности: ни законный представитель, ни прокурор не защищают свой частный интерес; напротив, участник корпорации всегда заинтересован в удовлетворении косвенного иска именно в частноправовом «преломлении» (скажем, реальное взыскание убытков в пользу юридического лица приведет к увеличению общего объема активов и, как следствие, может повлиять на размер выплачиваемых акционерным обществом дивидендов, на цену в возможной сделке по отчуждению долей (акций), на размер ликвидационной стоимости имущества и пр.).

На наш взгляд, не «дефект воли», а исключительно специфический объект правовой защиты (охраняемый законом интерес лица, инициирующего возбуждение судебного производства) определяет сущность косвенного иска. «Дефект воли» же выступает в качестве упоминаемого диссертантом «второстепенного признака», наличие или отсутствие которого не влияет на правовую природу явления (с.93 диссертации).

Впрочем, отметим, что в диссертации автор не только упоминает подобный подход к пониманию сущности косвенного иска, но и высказывает в его отношении критические замечания. Так, Т.А. Васильева полагает, что «материально-правовой критерий не может служить критерием квалификации процессуальных явлений, поскольку к числу признанных положений отечественной доктрины относится положение о самостоятельности процессуальных отношений ...» (с.94, 95 диссертации). Считаем, что подобная аргументация не может быть положена в основу вывода о недопустимости правовой характеристики косвенного иска через категорию охраняемого законом интереса. Во-первых, есть соображения общего характера: «материально-правовой критерий» не просто может служить критерием квалификации процессуальных явлений, но в ряде случаев без него вообще не обойтись (например, конструкция третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, базируется исключительно на предполагаемой материально-правовой связи такого лица с одной из спорящих сторон). Во-вторых, «самостоятельность процессуальных

отношений» никоим образом не страдает, когда то или иное процессуальное понятие описывается при помощи материально-правового инструментария (например, предмет иска вряд ли может быть познан в отрыве от таких понятий как способ защиты нарушенного права и объект гражданского правоотношения).

2. Логика защиты в косвенном иске именно субъективного права корпорации привела диссертанта к соответствующим выводам относительно процессуально-правового статуса самой корпорации и участника, который выступает инициатором возбуждения судебного производства. По мнению Т.А. Васильевой, участник выступает законным представителем, а сама корпорация – истцом. Надо сказать, что именно этот подход реализован в действующем российском гражданском законодательстве (лицо, обратившееся с требованием о возмещении убытков корпорации, является представителем самой корпорации – абз. 5 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ; аналогичным образом решен вопрос и применительно к случаю, когда участник корпорации оспаривает совершенные ею с третьими лицами сделки, а также требует применения последствий недействительности таких сделок – абз. 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ).

Полагаем, что при всей внешней обоснованности подобного подхода в действительности отстаиваемая диссертантом процессуальная «конфигурация» страдает рядом недостатков. Главный из них – это противоречия в интересах корпорации (которая в лице своих органов по какой-то причине иск не предъявляет) и интересах участника. Как разрешать такие противоречия (например, если акционер, являющийся законным представителем, и генеральный директор выражают противоположные волеизъявления по каким-либо вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства)? Запретить вообще корпорации иметь иного (помимо законного) представителя? Всегда отдавать приоритет волеизъявлению участника? Ввести специальные правила о реализации распорядительных правомочий? Или как?

И далее. Выше мы уже обратили внимание на совершенно правильную позицию диссертанта, которая не распространяет конструкцию косвенного иска исключительно лишь на корпоративные отношения. Но тогда по этой логике косвенный иск будет иметь место всегда, когда с требованием о защите интереса

обращается одно лицо, а материально-правовой эффект возникает для другого (именно оно выступает выгодоприобретателем при удовлетворении исковых требований). Возьмем, к примеру, случай, когда с иском о применении последствий недействительности ничтожной сделки обращается лицо, хотя и имеющее охраняемый законом интерес, но при этом стороной в сделке не выступающее. Если быть последовательным и согласиться с предложенным автором «распределением ролей», то это самое лицо будет законным представителем. Но чьи интересы оно будет представлять? Представим ситуацию, когда интерес такого лица состоит именно в двусторонней реституции (материнская компания требует зеркального возврата исполненного по ничтожной сделке дочерними компаниями). Логика подсказывает, что ей (материнской компании) надо представлять интересы обеих сторон в сделке! Иначе говоря, один и тот же законный представитель будет и у истца, и у ответчика. Однако на этом сложности не заканчиваются: возникает вопрос о том, каков статус будет у самих этих сторон? Каждая из этих сторон при удовлетворении иска одновременно является и выгодоприобретателем, и должником (реституция ведь двусторонняя!). Бросить жребий – пусть кто-то в итоге станет истцом, а другой ответчиком? Или исходить из того, что материнская компания, требуя применить последствия недействительности ничтожной сделки, предъявила не один, а два иска? Или как-то иначе?

3. Помимо предложенного автором механизма «перехода из процедуры косвенного иска в процедуру прямого иска и наоборот» в диссертации упоминается также иная конструкция – смена участника юридического лица (с.178, 179 диссертации). Следует отдать должное диссертанту: она не только вводит в отечественный научный оборот принципиально новую модель, но и предпринимает попытку сформулировать на легальном уровне те процедурные положения, которые обеспечат ее реализацию. Однако здесь мы бы обратили внимание на некоторые детали.

Во-первых, не совсем понятна логика диссертанта, которая ограничивает сферу применения предложенного механизма исключительно прямо поименованными корпоративными спорами (с.178, 179 диссертации). Если сама

Т.А. Васильева рассматривает косвенный иск как родовую конструкцию, распространяющуюся и на иные схожие случаи судебной защиты, то как минимум стоило бы обсудить возможность замены и для таких других случаев.

Во-вторых, автор категорично указывает, что «суд удовлетворяет ходатайство участника юридического лица о смене участника юридического лица ... , если существуют обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии объективности и беспристрастности в ведении им дела» (с.179 диссертации). Что же получается? Суд еще до вынесения решения должен констатировать некий порок в ведении дела? В чем должен выражаться этот порок? В заявлении необоснованных ходатайств? В незаявлении тех ходатайств, которые по складывающейся процессуальной ситуации стоило бы заявить? Если да, то получается, что в какой-то момент суд просто начнет подыгрывать истцу и, отступая от состязательного начала, де-факто корректировать его не самое удачное процессуальное поведение! Если же автор предполагает, что «свидетельствующие об отсутствии объективности и беспристрастности обстоятельства» будут устанавливаться неким иным образом, то тогда, конечно, необходимо было бы дать необходимые развернутые пояснения.

Впрочем, критика ряда положений не колеблет общего результата проведенного исследования – диссертация Т.А. Васильевой, безусловно, содержит ряд интересных идей, прежде всего, связанных с анализом конструкции косвенного иска в иностранных правовых системах и действующем российском законодательстве, отграничением указанной конструкции от иных правовых институтов, а также процедурным регулированием ряда частных вопросов (переход из процедуры косвенного иска в процедуру прямого иска и наоборот, смена участника юридического лица, предъявившего косвенный иск, и др.).

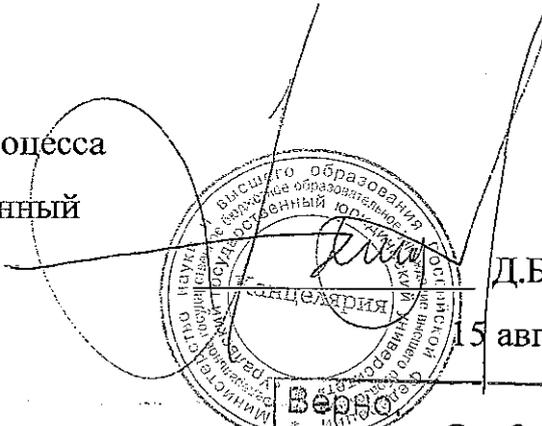
Считаю, что указанные выше замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 12.00.15 – гражданский процесс,

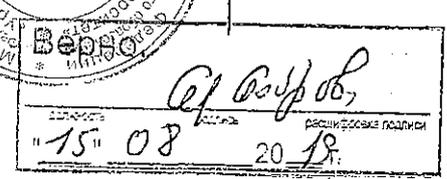
арбитражный процесс (по юридическим наукам) и критериям, определенным пп. 2.1 – 2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, сама диссертация оформлена согласно приложениям №5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Васильева Татьяна Андреевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный процесс.

Официальный оппонент:

Доктор юридических наук
профессор кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»

Д.Б. Абушенко
15 августа 2019 г.

Контактные данные:

тел. +7 343 374 05 10, e-mail:

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный процесс.

Адрес места работы:

620000, Свердловская область, Екатеринбург, ул.Комсомольская, 21-404,
кафедра гражданского процесса

тел. +7 343 374 05 10, e-mail: kafedra.gp@gmail.com